

Иконников С. А. О некоторых аспектах правового положения приходского духовенства Православной Российской Церкви во второй половине XIX — начале XX веков (по материалам центрально-черноземных губерний) / С. А. Иконников // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 239—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-239-255.

Ikonnikov, S. A. (2019). On Some Aspects of Legal Status of Parish Clergy of Russian Orthodox Church in the Second Half of 19th — Early 20th Centuries (Based on Material of the Central Black Earth dioceses). *Nauchnyi dialog*, 4: 239-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-239-255. (In Russ.).

УДК 271.2(470.324)“185/191”+94(47).08
DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-239-255

О некоторых аспектах правового положения приходского духовенства Православной Российской Церкви во второй половине XIX — начале XX веков (по материалам центрально-черноземных губерний)

© Иконников Сергей Анатольевич (2019), orcid.org/0000-0002-3094-9271, Researcher ID L-7474-2016, SPIN-code 8171-0040, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I (Воронеж, Россия), ikonnikovsergey88@mail.ru.

Статья посвящена изучению правового положения приходского духовенства Православной Российской Церкви во второй половине XIX — начале XX веков. На основе архивных документов и опубликованных источников рассматриваются привилегии и преимущества священно- и церковнослужителей. Особое внимание уделяется анализу недостатков юридического статуса клириков. Автор отмечает переплетение в российском законодательстве норм светского и церковного права, не всегда позитивным образом сказывавшееся на социальном положении служителей алтаря. Анализ источников показал, что в пореформенный период, несмотря на привилегированный статус Церкви, духовные лица находились в фактической зависимости от прихожан, священноначалия, консисторских служащих, чиновников коронной администрации. Рассмотренные документы демонстрируют недовольство подавляющего большинства священно- и церковнослужителей своим правовым положением. В статье изучаются предлагавшиеся в ходе широкой общественной дискуссии меры, направленные на улучшение социального и правового статуса духовенства, приходов и органов епархиального управления. Автор приходит к выводу о том, что в рассматриваемый период правовой статус клириков в целом отражал положение Церкви в рамках синодальной системы управления,

юридически превратившей духовных лиц в служащих ведомства православного исповедания.

Ключевые слова: Православная Церковь; пореформенная Россия; епархии Центрального Черноземья; приходское духовенство; правовое положение духовенства.

1. Введение

Современные ученые уделяют большое внимание истории приходского духовенства. Рассмотрению подвергаются самые разнообразные стороны жизни священно- и церковнослужителей: просветительская и миссионерская деятельность, особенности социального и материального положения, общественно-политическая активность. Это неудивительно, ведь изучение прошлого духовного сословия позволяет не только ответить на вопросы, касающиеся служения Церкви, но и пролить свет на историю других социальных слоев.

Священно- и церковнослужители участвовали во всех значимых событиях российской истории, соприкасались с жизнью других категорий населения, влияли на мировоззрение и формирование нравственных ценностей практически каждого русского человека. Голос Церкви звучал, как писал В. О. Ключевский, даже среди «житейской разноголосицы». В хозяйственных документах, купчих, закладных, заемных, различных свитках и завещаниях, помимо сухих формулировок и обсуждения условий сделок и договоров, прослеживаются явления иного порядка, порывы сердца и глубокого религиозного чувства, превращающие «мертвые нормы права» в «доброе житейское отношение» [Ключевский, 1913, с. 91].

В статье на основе архивных документов и опубликованных источников будет проведен анализ особенностей правового положения белого духовенства на примере Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской епархий.

Обозначенная тема получила определенное освещение в современной исторической науке. Правовой статус в той или иной мере рассматривается в работах специалистов, изучающих социальную историю духовенства на примере как Православной Российской Церкви, так и ее отдельных епархий. В связи с этим следует назвать сочинения Д. А. Беговатова [Беговатов, 2017], Ю. И. Белоноговой [Белоногова, 2010], С. А. Иконникова [Иконников и др., 2015], М. И. Лавицкой [Лавицкая, 2009], Т. Г. Леонтьевой [Леонтьева, 2002], А. В. Мангиловой [Мангилова, 2015], Д. В. Пополитова [Пополитов, 2017], Е. Н. Ропакowej [Ропакowa, 2016], А. Г. Фот [Фот, 2015], А. В. Шадриной [Шадрина, 2014].

Данная статья поможет расширить представление современных исследователей об особенностях правового положения клириков на примере

священно- и церковнослужителей центрально-черноземных епархий. Анализ правового положения приходского духовенства имеет принципиальное значение, так как позволяет понять, в каком статусе священно- и церковнослужители исполняли свое служение в изучаемый период.

До революции в официальных документах использовались различные наименования Православной Церкви в России: Русская Церковь, Всероссийская Православная Церковь, Российская Православная Церковь, Православная Российская Церковь. Это объясняется тем, что имперское законодательство не рассматривало Церковь как самостоятельную организацию. Она была полностью интегрирована в институты государственной власти. Наиболее часто встречающееся в официальных документах синодального периода наименование Церкви — Православная Российская Церковь, которое и будет использоваться в публикации.

2. Права и привилегии духовенства

Православное духовенство согласно каноническому праву и дореволюционному российскому законодательству делилось на черное (монашеское) и белое (приходское). Монашеский чин составляли «духовные власти»: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи, настоятельницы женских монастырей, ризничий Московского Синодального дома и, в терминологии Свода Законов Российской империи, «прочая монашеская братия» [СЗРИ, т. IX, с. 50].

К приходскому духовенству относились протопресвитеры, протоиереи, пресвитеры, иереи, протодьяконы, дьяконы, иподьяконы, а также псаломщики (причетники). Документом, подтверждавшим принадлежность лица к духовному сословию, являлась выдаваемая при рукоположении ставленническая грамота, а также именные списки наличного состава духовенства, хранившиеся в духовной консистории [Там же, с. 114].

Жизнь приходских клириков регламентировалась целым рядом светских и церковных законов. Первая статья Устава духовных консисторий, касавшаяся положения духовенства, гласила: «Священно- и церковнослужители и чин монашеский в служении Церкви и в образе жизни своей должны поступать по правилам церковным и законам государственным, которыми определяются обязанности епархиального начальства в управлении подчиненным ему духовенством» [Устав ..., с. 85].

Несмотря на подчиненность Церкви государству, формально духовенство в Российской империи являлось привилегированным сословием. Священнослужители, в том числе те из них, кто не получил за службу особых наград, по одной своей принадлежности к духовному сословию имели ряд

особых прав и преимуществ. Духовные лица освобождались от всех личных податей и телесных наказаний. Со времени введения в России всеобщей воинской повинности сыновья священно- и церковнослужителей, окончившие духовные академии, семинарии или училища, освобождались от призыва на военную службу.

Посредством законного брака клирики передавали права состояния своим женам. Вдовы священнослужителей наделялись правами личного дворянства, а вдовы церковнослужителей — личного гражданства. По своему происхождению дети священнослужителей пользовались правами потомственного почетного гражданства, церковнослужителей — личного почетного гражданства. Если сыновья церковнослужителей заканчивали курс обучения в духовных академиях или семинариях, то также получали права потомственного почетного гражданства.

Лицам, успешно завершившим духовные академии и семинарии, для поступления в духовное звание предоставлялась годичная отсрочка от воинской повинности [Забелин, 1885, с. 48—53].

Российское законодательство предусматривало поощрение священно- и церковнослужителей, ревностно исполнявших возложенные на них обязанности. Клирики могли получать как церковные, так и государственные награды. Церковные награды в порядке постепенности жаловались следующим образом: право ношения набедренника, фиолетовой скуфьи, камилавки, наперсного креста, возведение в сан протоиерея и право ношения палицы. Местное священноначалие могло награждать священнослужителей набедренником без согласования со Святейшим Синодом. Остальные награды выдавались указом синодальных властей. Иногда в качестве поощрения духовные лица получали благословение Святейшего Синода с выдачей специально установленной грамоты.

Получавшие право ношения скуфьи и камилавки священнослужители должны были изготавливать их за свой счет. Наперсные кресты выдавались в полную собственность клириков бесплатно. Прихожане, желавшие отблагодарить своего пастыря за особо ревностное служение, имели возможность преподнести ему в дар крест с украшениями, но только в том случае, если священнослужитель был пожалован Синодом правом ношения наперсного креста [Там же].

Помимо церковных наград, клирики могли получать и государственные. К последним относились российские ордена (за некоторым исключением), медали, а также золотые наперсные кресты, выдаваемые указом императора. Представление о поощрении государственными наградами делалось через Комитет министров (для орденов до Святой Анны 2 степе-

ни) либо посредством всеподданнейшего доклада обер-прокурора Святейшего Синода (для высших орденов и знаков отличия).

Ордена выдавались духовенству за выслугу лет (по статуту) или за особые отличия по службе. Так, на право получения ордена Святой Анны 3 степени могли претендовать: протоиереи и священники, усердно исполнявшие 12 лет без перерыва должность благочинного или члена духовной Консистории, духовного правления, епархиального попечительства о бедных, правления духовной семинарии или училища, а также духовные лица, усердно исполнявшие должность законоучителей не менее 25 лет.

Священнослужители, прослужившие в сане «беспорочно» не менее 50 лет, награждались орденом Святого Владимира 4 степени, а дьяконы — орденом Святой Анны 3 степени.

Для поощрения клириков, активно занимавшихся просветительским служением, также предусматривались определенные знаки отличия. Дьяконы и псаломщики, прослужившие с «усердием и пользою» в качестве учителей при сельских народных и церковно-приходских школах, награждались серебряной медалью на Александровской ленте для ношения на груди [Там же, с. 44—46].

3. Попытки правового преодоления сословной замкнутости духовенства

В середине XIX века в правовом положении священно- и церковнослужителей произошли существенные изменения. Опросы, проводимые Присутствием по делам православного духовенства в 1863 году, показали, что, по мнению подавляющего большинства клириков и правящих архиереев, существенным препятствием к оживлению приходской жизни и нравственному возвышению духовенства являлась его сословная замкнутость. Приходы нередко передавались от отца к сыну, хотя бы последний и не сильно стремился посвятить себя служению Церкви. Поступление детей священно- и церковнослужителей на гражданскую службу не запрещалось, но затруднялось рядом законодательных предписаний. Так, если окончивший курс духовной семинарии в течение года не определялся со службой в своей губернии, то он причислялся к одному из податных сословий. В случае увольнения поступившего на гражданскую службу выпускника семинарии до получения им классного чина, он также должен был записаться в одно из податных сословий. Поэтому сыновья священно- и церковнослужителей воспринимали духовный сан как своего рода наиболее разумное карьерное решение, не требовавшее рискованных действий по переходу на гражданскую службу [РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. 1, д. 23, ч. 1, л. 80].

Отцу-священнику для передачи прихода сыну порой достаточно было написать прошение на имя правящего архиерея. Региональные архивы хранят подобные документы, свидетельствовавшие о сословной замкнутости духовного сословия. Например, 25 января 1862 года священник села Стандрово Темниковского уезда Тамбовской губернии Михаил Райский направил на имя епископа Феофана (Говорова) прошение с просьбой оставить приход за сыном. Клирик в течение 30 лет служил в сане, усердно исполняя самые разнообразные послушания. Однако «физические силы, расстроенные от утомительных трудов», делали невозможным дальнейшее прохождение пастырского служения. Семья священника состояла из престарелой и больной жены, дочери и двух сыновей, один из которых — Алексей Райский — недавно закончил духовную семинарию. Иерей просил архипастыря предоставить сыну возможность занять священническое место на его приходе, а также позволить с этой целью «приискать невесту на вступление в брак из девиц духовного звания и тем самым меня и семейство мое успокоить» [ГАТО, ф. 181, оп. 1, д. 1834, л. 1 об.].

Традиционная замкнутость духовного сословия выражалась и в особом отношении к браку. Хотя государственное законодательство не обязывало сыновей священно- и церковнослужителей жениться на девицах духовного звания, но веками устоявшийся обычай приводил к тому, что епархиальное начальство требовало брать в жены дочерей духовных лиц. Протоиерей Богоявленской церкви города Фатежа Курской губернии Димитрий Авдиев считал подобную традицию пагубной, препятствовавшей подлинному развитию Церкви. Представители иных сословий, видя «духовенство чуждающимся оных в семейных связях, чуждаются и сами духовенства, как особенной касты, заключенной в самой себе, а чрез таковое разобщение делается холодность между духовенством и прочими сословиями. Даже и более можно сказать, какое-то пренебрежение к этому сословию, а чрез это духовенство при всей своей ревности иметь полезное влияние на мирских людей, как чуждое им по плоти, хотя и нечуждое по духу, не может всегда с успехом достигать своей цели» [РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. 1, д. 23, ч. 1. л. 72].

В середине XIX века звучали и иные оценки сословной обособленности служителей Церкви. К примеру, выдающийся иерарх синодальной эпохи святитель Филарет (Дроздов) рассматривал замкнутость духовенства как положительное явление. Архипастырь полагал, что «только наследственное к духовной службе расположение и направление к ней в духовных училищах располагает получивших образование к вступлению в нее, и что образование детей духовенства вместо духовных училищ в светских может повести оскудение духовного звания» [Руновский, 1898, с. 19].

Однако, несмотря на разные мнения, необходимость преодоления сословной замкнутости к началу правления Александра II стала настолько очевидной, что церковные власти сами выступили инициаторами принятия кардинальных мер. В ходе реформ 1860—1870-х годов появились новые законы, направленные на ослабление сословной замкнутости. Устав гимназий 1864 года разрешал духовенству отдавать своих детей на обучение в светские учебные заведения. 13 мая 1871 года была Высочайше утверждена новая редакция статей СЗРИ о детях лиц православного и армяно-григорианского исповедания, согласно которой сыновья духовных лиц, окончившие курс в семинариях, получали право выхода из ведомства православного исповедания «куда пожелают» без специального разрешения от епархиальных властей [ПСЗ, т. XLVI, с. 545—563]. Прежние ограничительные нормы законов отменялись. Статья, предписывавшая намеревавшимся уйти в гражданское ведомство сыновьям духовных лиц определяться в течение года под угрозой зачисления в податное сословие, упразднялась. Теперь детям священно- и церковнослужителей, желавшим оставить духовную службу и выйти в светское звание, достаточно было уведомить об этом консисторию [Забелин, 1885, с. 52].

Духовенство воспользовалось предоставленной возможностью. Некоторые, наиболее обеспеченные лица, стали отдавать своих сыновей для обучения в гимназии. Между тем дети подавляющего большинства клириков продолжали обучаться в духовных учебных заведениях. Данные о социальном составе учеников гимназий Харьковского учебного округа (Воронежская, Курская и Тамбовская губернии относились к Харьковскому учебному округу) показывают, что в 1877 году дети священно- и церковнослужителей составляли 7 % от общего числа учеников гимназий и прогимназий, в 1913 году — 8 % [Извлечение ..., 1879, с. 184; Всеподданнейший ..., 1916, с. 50—51]. Таким образом, на протяжении изучаемого периода выходцы из духовного сословия составляли в среднем не более 8 % от общего числа учеников гимназий, а их доля в социальном составе учащихся практически не увеличилась. Однако, если учесть, что до предоставления духовенству права беспрепятственно отдавать своих детей на обучение в гимназии доля сыновей священнослужителей составляла менее 2 % [Иконников, 2014, с. 60], то можно говорить об определенных изменениях в сословной замкнутости духовенства.

К тому же следует помнить, что в пореформенный период сыновья клириков стремились окончить семинарии как более традиционные и привычные для них учебные заведения, а уже затем уйти из духовного звания. Попытка правового преодоления сословной замкнутости духовенства

на деле привела к оттоку детей священно- и церковнослужителей из ведомства православного исповедания и не создала условий для массового пополнения рядов служителей Церкви выходцами из других сословий. Это хорошо видно при рассмотрении социального состава рукополагаемых ставленников. Например, в 1912 году из 99 рукоположенных тамбовским преосвященным клириков лишь только 7 происходили не из духовного сословия [РГИА, ф. 796, оп. 440, д. 641, л. 48—49].

Однако положительные результаты преодоления сословной замкнутости все же имелись. Представители иных сословий, желавшие принять священный сан, все чаще поступали в духовные учебные заведения. Это хорошо видно на примере Тамбовской духовной семинарии. До 1867 года в составе ее учеников не числилось ни одного иносословного воспитанника, в 1876 их было 3, через год — 11 [Феодосий, 2010, с. 28], а в 1913—1914 учебном году из 721 воспитанника Тамбовской семинарии 82 (11 %) происходили не из духовного сословия [ГАТО, ф. 186, оп. 119, д. 3, л. 36 об.]. Таким образом, с течением времени доля иносословных учащихся в семинариях увеличивалась, хотя и не являлась значительной вплоть до конца изучаемого периода. Причина такого явления крылась в том, что духовенство оказалось замкнутым сословием не столько формально, сколько традиционно, по образу жизни и быта, связанного с особенностями пастырского служения.

4. Трудности в правовом положении духовенства

В рассматриваемый период проблемы в правовом положении духовенства активно обсуждались в процессе подготовки повестки заседаний Поместного собора Православной Российской Церкви. В 1905—1906 годах приходские клирики совместно с преосвященными архиереями рассматривали наиболее актуальные вопросы, требовавшие незамедлительного соборного решения. В ходе дискуссий стало понятно, что сформированная в синодальный период правовая, судебная и управленческая системы нуждались в реформировании. Прежде всего это касалось правового статуса прихода и приходского пастыря.

С точки зрения православного вероучения, приход должен был функционировать как живая, реально действовавшая община, «тесно сплоченная единством веры, взаимной любви и благорасположением всех членов между собою». Однако по факту приходы являлись лишь территориальными единицами, вокруг которых собирались случайные лица. Чрезмерная канцелярищина, правовое подчинение Церкви государству превратили пастырей в рядовых требоисправителей, не осознававших себя предстоя-

телями евхаристических общин. Епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев) выражал обеспокоенность в том, что приходы превратились в мелкие земские единицы и рассматривались государством как первоначальная территориально-административная ячейка. Приходу следовало предоставить права «церковно-юридической единицы». Организацию церковного хозяйства, дела благотворительности, заботу о материальном обеспечении духовенства следовало передать в полное ведение приходских братств. Священно- и церковнослужителям должно было не отвлекаться на решение бытовых проблем и текущих финансовых вопросов по ремонту храма или церковно-приходской школы, а полностью посвятить себя богослужению, пастырскому окормлению верующих и социально-просветительской деятельности [Отзывы ..., 2004, с. 446—448].

Во второй половине XIX — начале XX веков в ходе дискуссий по поводу преобразований в правовом положении приходов и духовенства звучали голоса и о назревшей необходимости изменения юридического статуса духовных консисторий.

По словам епископа Иннокентия (Беляева), они превратились в обычные бюрократические учреждения, «увеличивавшие и усложнявшие бумажное делопроизводство с длинной и тяжелой волокитой» [Там же, с. 467]. От служащих консисторий зависело принятие очень важных для епархиальной жизни решений. Духовенству и епископу порой приходилось считаться с мнением абсолютно светских и далеких от Церкви чиновников.

Курский преосвященный Питирим (Окнов) также выступал за пересмотр правового положения приходских клириков и их чрезмерной зависимости от формальной деятельности органов епархиального управления. Он полагал, что в работе духовных консисторий наглядно проявлялись практически все негативные стороны церковной жизни синодальной эпохи. «Канцеляризм, облеченный в форму “слушали”, “приказали”, и одобренный всякого рода справками, часто мелочными, развит в делопроизводстве до того, что консистории принимают десятки тысяч бумаг входящих и столько же, если не более, исходящих», — сетовал архиерей [Там же, с. 204]. Секретарь духовной консистории своими полномочиями ограничивал епископа, так как выступал в качестве лица, поставленного для наблюдения за исполнением указов по духовному ведомству, находясь в непосредственном подчинении обер-прокурору Святейшего Синода.

Консистории появились в результате синодальной реформы петровского времени и знаменовали собой превращение Церкви в ведомство православного исповедания. Служащие консистории, по сути, ничем не отлича-

лись от светских чиновников, нередко злоупотребляли своим положением и усложняли жизнь приходским клирикам.

Это хорошо видно на примере Воронежской духовной консистории, в 1868 году оказавшейся в центре резонансного скандала. Секретарь консистории Зеленский вместе со своим зятем, помощником секретаря Мамонтовым на протяжении нескольких лет из корыстных побуждений вместо синодальных обыскных книг для браков выдавали настоятелям свои собственные, незаконно напечатанные в Воронежской губернской типографии. Реализовывались подпольные книги по цене настоящих. Разницу служащие забирали себе. В одном только консисторском архиве хранилось более 1 000 экземпляров уже заполненных поддельных документов. Сколько еще находилось на руках священнослужителей, специально созданная следственная комиссия так и не смогла установить. Казалось бы, тестя и зятя следовало отстранить от занимаемых должностей и предать суду. Однако консисторская администрация решила замять дело. Воронежский протоиерей Петр Иванов в письме к синодальному чиновнику А. В. Бирюковичу от 23 июня 1868 года выражал сомнения по поводу объективности администрации, полагая, что «и у нее рыльце в пушку. Чего только не делают деньги и приязнь. Весьма нередко из черного белое» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 1432, л. 1 об.].

Следственная комиссия, назначенная консисторией, состояла из семи человек. Пять из них, «более бескорыстных и понимающих дело», предложили взыскать с виновных 1500 руб., уволить их с должностей и предать суду. Остальные два члена консистории: кафедральный протоиерей Скрыбин и протоиерей Дагаев, состоявшие между собою в родстве и «заранее заисканые виновниками», выразили особое мнение, оправдывая обвиняемых. Викарий Воронежской епархии епископ Феодосий (Макаревский), поставленный во главе комиссии, благоволил Зеленскому. Этим и объяснялся исход дела. Было принято решение взыскать с виновников деньги и сделать им выговор. Воронежский епископ Серафим (Аретинский) утвердил мнение своего викария. Протоиерей Иванов жаловался на своего преосвященного в Синод: «Столь невнимательное и холодное его отношение к такому вопиющему делу прямо ведет к заключению, что он не хочет расставаться со своим Скрыбиным!». По его мнению, дело следовало направить на пересмотр в Синод, а Зеленского и Мамонтова лишить должностей, так как их место «не в консистории, а в сибирских рудниках» [Там же, л. 2 об.].

В злоупотреблениях обвинялся и другой секретарь Воронежской духовной консистории коллежский советник Александр Касаткин. В 1873 году на имя Обер-прокурора Синода Д. А. Толстого из города Воронежа посту-

пило анонимное письмо, автор которого подробно рассказывал о махинациях и взятках Касаткина. Товарищ обер-прокурора Н. П. Смирнов просил шефа жандармов генерала Н. В. Мезенцова, используя негласное наблюдение, установить, являлись ли обвинения реальными или были простым поклепом [ГАРФ, ф. 109, оп. 48, д. 33, л. 80]. Жандармы установили, что обвинения в адрес секретаря имели под собой серьезные основания. Оказалось, что секретарь брал взятки с выпускников духовной семинарии за определение их на хорошие места. Размер требуемого «вознаграждения» зависел от доходности вакантного прихода и колебался от 200 до 1000 руб.

Иногда для увеличения посулов Касаткин шел на различные ухищрения. Так, когда в 1875 году священник Николай Федоров захотел занять вакантную должность соборного протоиерея в городе Острогожске, секретарь потребовал с него «благодарность» в 1000 руб. В то же время консистория предписала занять эту должность другому клирику — священнику слободы Котинцевой Стефану Зайцеву, «человеку очень богатому, но для которого, по семейному и имущественному положению, перемещение в город Острогожск было почти невозможно» [Там же, л. 85 об.]. Естественно, предписание вызвало протест духовного лица. Со стороны Касаткина последовало предложение внести для решения возникшей проблемы 1000 руб. Так как ни отец Федоров, ни отец Зайцев не согласились нарушать закон и давать взятку, на должность острогожского протоиерея указом консистории назначили священника Зайцева, как проявившего наибольшее упорство.

Посредством финансовых махинаций Касаткин приобрел в городе Воронеже два дома и дачу. Начальник Воронежского губернского жандармского управления Э. А. Мезенкамф докладывал в III отделение С.Е.И.В. канцелярии о том, что злоупотребления допускал не только секретарь, но многие служащие духовной консистории: «Не подлежит никакому сомнению, что члены и служители Воронежской духовной консистории весьма изобретательны в деле изыскания источников для лихоимства и солидарны в этом отношении между собой до крайности» [Там же, л. 86].

Рассматривая особенности юридического статуса приходского духовенства, следует обратить внимание на проблемы правового регулирования обязанностей церковных старост. Между причтами и старостами нередко возникали конфликтные ситуации, чаще всего связанные с распределением средств, решением насущных материальных вопросов. Согласно законодательству, староста являлся поверенным от прихожан лицом, выбранным из их числа для «охранения и употребления церковных денег и вообще для хранения церковного имущества» [Устав ..., с. 297].

Старосты выбирались на собрании прихожан с согласия членов причта при обязательном участии благочинного сроком на три года. Примечательно, что в законе обязательное присутствие благочинного на выборах обосновывалось необходимостью следить за соблюдением непредвзятости в выборах и «отвращать всякое пристрастие, со стороны ли прихожан, или со стороны священно- и церковнослужителей» [Там же, с. 298].

В конце каждого месяца старосты должны были в присутствии священно- и церковнослужителей и «почетнейших» прихожан вскрывать ящики и кружки для сбора пожертвований, проверять имевшиеся там средства, записывать их в приходно-расходную книгу и помещать для хранения в кладовой или ризнице. Старосты закупали вино, свечи и другие необходимые церкви предметы. Таким образом, на них возлагался целый ряд ответственных обязанностей, от которых напрямую зависело материальное благополучие храма и причта. Однако законодательство не вполне ясно обозначало границу полномочий старост и настоятелей церквей, в результате чего нередко возникали конфликтные ситуации.

Так, к продолжительной вражде привели противоречия, возникшие между старостой кладбищенской Митрофановской церкви города Бирюча Воронежской губернии майором Д. М. Егоровым и священником Владимиром Прозорским. Староста обвинял клирика в незаконном использовании завещанных на храм средств. Благотворитель Н. Ф. Антонов завещал деньги на устройство церкви, а также капитал, проценты с которого должны были идти на покрытие специальных нужд, а именно: с 11 400 руб. на ремонт храма, с 11 400 руб. на содержание причта и с 16 265 руб. на содержание богадельни. Староста жаловался на неисполнение воли завещателя. Якобы средства с капитала, предназначенного на ремонт храма, использовались настоятелем в собственных интересах, а в ответ на замечания Егорова клирик вел себя недостойно священного сана. «Прозорский считает долгом делать мне всевозможные неприятности, поступая при этом так, что все средства, хотя бы и недостойные сана Священника, пускаются им в ход, лишь бы вывести меня из терпения и найти способ сделать меня виновным. Грубость, невежество, сплетни и даже ложные доносы, все считается им хорошим средством», — жаловался Егоров обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву в письме от 16 апреля 1899 года [РГИА, ф. 799, оп. 22, д. 50, л. 1 об. — 2]. Староста сообщал о нехватке средств на ремонт церкви, из-за чего она пришла в упадок.

Епископ Воронежский Анастасий (Добрадин) в своем объяснении давал проблеме иную оценку. Посещая Митрофановскую церковь в 1897 году, архиерей не заметил никакой ветхости, наоборот, указал на ее

приличное состояние. Если же за несколько лет храм стал нуждаться в ремонте, то в этом следовало видеть нерадение старосты, нежели упущение священника Прозорского. Архиерей предложил оставить жалобу Егорова без последствий, что и было сделано [Там же, л. 6].

Однако строптивного старосту это не остановило. Он написал докладную записку на имя министра юстиции Н. В. Муравьева, в которой просил поддержать его, объясняя свое упорство радением за истину: «Так как я ишу правду, справедливость, защищаю неприкосновенность воли завещателя и себя от обвинения в лживости доклада, соделанного по долгу службы, то верю, что найду это (понимание. — *С. И.*), а настойчивость моя в этом будет признана заслуживающею внимания» [Там же, л. 13]. Егорову так и не удалось доказать свою правоту, но начатое им дело, продолжавшееся более 5 лет и ставшее предметом разбирательств чиновников самого высокого ранга, показывает, насколько далеко могло зайти противостояние между старостой и настоятелем.

5. Заключение

Анализ источников и исследовательской литературы показал, что правовое положение приходского духовенства в целом отражало состояние Церкви в рассматриваемый период. С одной стороны, клирики формально относились к привилегированному сословию, им предоставлялся ряд особых преимуществ, с другой — духовенство в синодальную эпоху, по справедливому выражению протоиерея Г. Флоровского, «отчасти опускается или оттесняется в социальные низы» [Флоровский, 2006, с. 91]. Рядовой сельский клирик часто зависел не только от расположения прихожан, но и от старосты, служащих духовной консистории, епархиального и гражданского начальства. В реальной приходской жизни никаких особых преимуществ духовные лица не имели. Многие привилегии на практике касались внешней, атрибутивной стороны жизни причтов.

В течение рассматриваемого периода государство пыталось возвысить правовой и социальный статус служителей алтаря. В рамках реализации церковной реформы Александра II была предпринята попытка преодоления сословной замкнутости духовенства. Однако на деле она привела лишь к оттоку сыновей священно- и церковнослужителей из Церкви. Трудности в правовом положении духовенства, проблемы юридического статуса прихода и другие вопросы стали предметом подробного анализа членов Предсоборного Присутствия 1906 года. Предполагалось, что Поместный Собор 1917—1918 годов сможет выработать новые правовые нормы, которые бы позволили преодолеть накопившиеся в течение синодального пери-

ода проблемы. Однако сделать этого, по причине революционных событий 1917 года и последующей смены власти, так и не удалось.

Источники и принятые сокращения

1. *Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 год*. Петроград, 1916. — 410 с.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1432; Оп. 48. Д. 33.
3. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1834; Ф. 186. Оп. 119. Д. 3.
4. *Забелин П. П.* Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской Церкви и церковно-гражданским постановлениям Русской Церкви / П. П. Забелин. — Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1885. — Ч. 3. — 321 с.
5. *Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1877 год*. — Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1879. — 230 с.
6. *Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе*. — Москва : Общество любителей церковной истории ; издательство Крутицкого подворья, 2004. — Ч. 2. — 1055 с.
7. ПСЗ — *Полное собрание законов Российской империи ПСЗРИ*. Собрание Второе. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1874. — Т. 46. — Отделение 1.
8. *Российский государственный исторический архив*. Ф. 796. Оп. 440. Д. 641; Ф. 799. Оп. 22. Д. 50; Ф. 804. Оп. 1. Разд. 1. Д. 23. Ч. 1.
9. СЗРИ — *Свод законов Российской империи*. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. — Т. 9. Законы о состояниях. — 571 с.
10. *Устав духовных консисторий*. — Санкт-Петербург : Типография М. Хана, 1871. — 26, 192, 31 с.

Литература

1. *Беговатов Д. А.* Городское православное духовенство Тверской епархии в первой половине XIX века : профессиональная деятельность и повседневная жизнь / Д. А. Беговатов. — Тверь : СФК-офис, 2017. — 312 с.
2. *Иконников С. А.* Приходское духовенство Воронежской епархии (вторая половина XIX — начало XX века) / С. А. Иконников. — Воронеж : Научная книга, 2014. — 396 с.
3. *Иконников С. А.* Противоречия начал светского и канонического права в российском законодательстве второй половины XIX — начала XX века (по материалам Воронежской епархии) / С. А. Иконников, А. А. Юрьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 7 (57). — Часть 1. — С. 68—70.
4. *Ключевский В. О.* Очерки и речи : второй сборник статей В. Ключевского. — Москва : Типография П. П. Рябушинского, 1913. — 514 с.

5. *Лавицкая М. И.* Орловское приходское духовенство второй половины XIX — начала XX вв. / М. И. Лавицкая. — Москва : Прометей, 2009. — 196 с.
6. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. / Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2002. — 253 с.
7. *Мангилева А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. : диссертация ... доктора исторических наук / А. В. Мангилева. — Екатеринбург, 2015. — 535 с.
8. *Пополитов Д. В.* Православная церковь в Области Войска Донского в системе правовых, религиозных, хозяйственных и социокультурных отношений второй половины XIX — начала XX века : по материалам верховных округов : диссертация ... кандидата исторических наук / Д. В. Пополитов. — Волгоград, 2017. — 270 с.
9. *Ропаква Е. Н.* Православный приход во второй половине XIX века. Российская империя, Санкт-Петербургская епархия / Е. Н. Ропаква. — Санкт-Петербург : Издательство СПбПДА, 2016. — 349 с.
10. *Руновский Н. П.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II / Н. П. Руновский. — Казань : Типо-литография Императорского университета, 1898. — 332 с.
11. *Феодосий (Васнев)*, епископ. Состав учащихся Тамбовской духовной семинарии в 1870-х — начале 1880-х годов и их характеристика / епископ Феодосий (Васнев) // Тамбовские епархиальные ведомости. — 2010. — № 3 (27). — С. 26—32.
12. *Флоровский Г. В.*, протоиерей. Пути русского богословия / протоиерей Г. В. Флоровский. — Минск : Белорусский Экзархат, 2006. — 609 с.
13. *Фот А. Г.* Правовой статус приходского духовенства во второй половине XIX — начале XX века / А. Г. Фот // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (14). — С. 92—103.
14. *Шадрина А. В.* Приходское духовенство Донской и Новочеркасской епархии второй половины XIX века / А. В. Шадрина. — Ростов-на-Дону : Антей, 2014. — 364 с.

On Some Aspects of Legal Status of Parish Clergy of Russian Orthodox Church in the Second Half of 19th — Early 20th Centuries (Based on Material of the Central Black Earth dioceses)

© **Sergey A. Ikonnikov (2019)**, orcid.org/0000-0002-3094-9271, Researcher ID L-7474-2016, SPIN-code 8171-0040, PhD in History, associate professor, Department for Humanities, civil and criminal law, Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russia), ikonnikovsergey88@mail.ru.

The article is devoted to the study of the legal status of the parish clergy of the Orthodox Russian Church in the second half of 19th — early 20th centuries. On the basis of archival documents and published sources, the privileges and advantages of the clergy are considered. Particular attention is paid to the analysis of the shortcomings of the legal status of clerics. The author notes the intertwining of the norms of secular and ecclesiastical law in the Russian legislation, which not always had a positive impact on the social situation of the altar servants. The analysis of the sources showed that in the post-reform period, despite the privileged status of the Church, the clergy were in factual dependence on parishioners, Church authorities, Consistory employees, officials of the crown administration. The considered documents demonstrate the discontent of the overwhelming majority of the clergy with their legal status. The article examines the measures proposed in the course of a broad public discussion aimed at improving the social and legal status of the clergy, parishes and bodies of diocesan administration. The author comes to the conclusion that in the period under review the legal status of clerics as a whole reflected the position of the Church within the Synodal system of governance, which legally turned clerics into employees of the Department of Orthodox confession.

Key words: Orthodox Church; post-reform Russia; dioceses of the Central Chernozem region; parish clergy; legal status of clergy.

Material resources

- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii*. F. 109. Op. 3a. D. 1432; Op. 48. D. 33. (In Russ.).
- GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti*. F. 181. Op. 1. D. 1834; F. 186. Op. 119. D. 3. (In Russ.).
- Iz vlecheniye iz vsepodanneyshogo otcheta ministra narodnogo prosveshcheniya za 1877 god.* (1879). Sankt-Peterburg: Tipografiya V. S. Balasheva. (In Russ.).
- Otzyvy eparkhialnykh arkhierееv po voprosu o tserkovnoy reforme.* 3. (2004). Moskva: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii; izdatelstvo Kruitskogo podvorya. (In Russ.).
- PSZ — *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii PSZRI. Sobraniye Vtoroye*. 46. (1874). Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. (In Russ.).
- Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 796. Op. 440. D. 641; F. 799. Op. 22. D. 50; F. 804. Op. 1. Razd. 1. D. 23. Ch. 1. (In Russ.).
- SZRI — *Svod zakonov Rossiyskoy imperii*. 9 (1857). Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. (In Russ.).
- Ustav dukhovnykh konsistoriy.* (1871). Sankt-Peterburg: Tipografiya M. Khana. (In Russ.).
- Vsepodanneyshiy otchet ministra narodnogo prosveshcheniya za 1913 god.* (1916). Petrograd. (In Russ.).
- Zabelin, P. P. (1885). *Prava i obyazannosti presviterov po osnovnym zakonam khristianskoy Tserkvi i tserkovno-grazhdanskim postanovleniyam Russkoy Tserkvi*. Kiev: Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo. (In Russ.).

References

- Begovatov, D. A. (2017). *Gorodskoye pravoslavnoye dukhovenstvo Tverskoy eparkhii v pervoy polovine XIX veka: professionalnaya deyatel'nost' i povsednevnyaya zhiz'*. Tver': SFK-ofis. (In Russ.).
- Feodosiy (Vasnev), episkop. (2010). Sostav uchashchikhsya Tambovskoy dukhovnoy seminarii v 1870-kh — nachale 1880-kh godov i ikh kharakteristika. *Tambovskkiye eparkhialnyye vedomosti*, 3 (27): 26—32. (In Russ.).
- Florovskiy, G. V., protoierey. (2006). *Puti russkogo bogosloviya*. Minsk: Belorusskiy Ekzarkhat. (In Russ.).
- Fot, A. G. (2015). Pravovoy status prikhodskogo dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (14): 92—103. (In Russ.).
- Ikonnikov, S. A. (2014). *Prikhodskoye dukhovenstvo Voronezhskoy eparkhii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)*. Voronezh: Nauchnaya kniga. (In Russ.).
- Ikonnikov, S. A., Yuryeva, A. A. (2015). Protivorechiya nachal svetskogo i kanonicheskogo prava v rossiyskom zakonodatelstv vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka (po materialam Voronezhskoy eparkhii). *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 7/1: 68—70. (In Russ.).
- Klyuchevskiy, V. O. (1913). *Ocherki i rechi: vtoroy sbornik statey V. Klyuchevskago*. Moskva: Tipografiya P. P. Ryabushinskogo. (In Russ.).
- Lavitskaya, M. I. (2009). *Orlovskoye prikhodskoye dukhovenstvo vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv.* Moskva: Prometey. (In Russ.).
- Leontyeva, T. G. (2002). *Vera i progress: pravoslavnoye selskoye dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* Moskva: Novyy khronograf. (In Russ.).
- Mangileva, A. V. (2015). *Sotsiokulturnyy oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoy gubernii v XIX — nachale XX v.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Popolitov, D. V. (2017). *Pravoslavnyaya tserkov' v Oblasti Voyska Donskogo v sisteme pravovykh, religioznykh, khozyaystvennykh i sotsiokulturnykh otnosheniy vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka: po materialam verkhovykh okrugov: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk*. Volgograd. (In Russ.).
- Ropakova, E. N. (2016). *Pravoslavnyy prikhod vo vtoroy polovine XIX veka. Rossiyskaya imperiya, Sankt-Peterburgskaya eparkhiya*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo SPbPDA. (In Russ.).
- Runovskiy, N. P. (1898). *Tserkovno-grazhdanskiye zakonopolozheniya otnositelno pravoslavnogo dukhovenstva v tsarstvovaniye imperatora Aleksandra II*. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskago universiteta. (In Russ.).
- Shadrina, A. V. (2014). *Prikhodskoye dukhovenstvo Donskoy i Novocherkasskoy eparkhii vtoroy poloviny XIX veka*. Rostov-na-Donu: Antey. (In Russ.).